

Проблемы квалификации деяний, связанных с оскорблением чувств верующих

А. А. Боженова¹, В. В. Ерахмилевич²

Алтайский государственный университет

пр. Социалистический, 68, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: ¹annabozenova62@gmail.com, ²erahmilevich75@mail.ru

Статья посвящена исследованию особенностей диспозиции ч. 1 ст. 148 УК РФ с правовой и лингвистической точки зрения. В ней обозначены некоторые проблемы использования оценочных и субъективных категорий, применяемых законодателем при формировании объективной и субъективной стороны анализируемого преступного деяния. Авторы обращают внимание на то, что лингвистическая неясность и неоднозначность некоторых терминов приводит к затруднению при квалификации преступления, так как у правоприменителя отсутствуют механизмы для правильного толкования тех или иных действий субъекта преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 148 УК РФ. Оценочность категорий «публичность», «чувства», «верующие», «оскорбление» и т. д. не позволяет в полной мере разграничить ч. 1 ст. 148 УК РФ со смежными составами преступлений и правонарушений. В статье анализируется судебная практика по ч. 1 ст. 148 УК РФ, изучаются особенности действий, квалифицируемых правоприменителем как оскорбление чувств верующих. Обращается внимание на проблемы отграничения оскорбления от таких понятий, как осквернение, религиозная ненависть или вражда. Авторами делаются предложения по совершенствованию законодательства, связанного с оскорблением религиозных чувств верующих. В частности, предлагается закрепление некоторых особенно дискуссионных понятий в специальных Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ или же в примечании к соответствующей статье. Повышение уровня ясности и точности в дефиниции ч. 1 ст. 148 УК РФ позволит упростить работу правоохранительных органов при квалификации деяний.

Ключевые слова: оскорбление, публичность, действия, верующие, чувства.

Challenges at Classifying Acts of Religious Feelings Defamation

A. A. Bozhenova¹, V. V. Erahmilevich²

Altai State University

68 Socialistisheskiy St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: ¹annabozenova62@gmail.com, ²erahmilevich75@mail.ru

The article concentrates on the study of the special features of the disposition of paragraph 1 of article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation from the legal and linguistic point of view. The article describes the problem of the legislator using subjective and evaluative categories when determining the objective and mental elements of the analyzed crime. The authors draw attention to the issue of linguistic ambiguity of some terms which leads to the problems with the classification of a crime. It happens because law enforcers don't have enough legal methods for the correct interpretation of the actions of the person who is accused of committing an act of crime. Evaluative character of such categories as "publicity", "feelings", "believers" and "defamation" doesn't let correctly differentiate offences and crimes specified in paragraph 1 of article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation from some other crimes and offences specified in both the Criminal Code and the Code of the Administrative Offences. The article is a case study of paragraph 1 of Art. 148 of the Criminal Code of the Russian Federation. The specific features of the acts that are classified as defamation are studied. The authors focus on differentiating defamation from blasphemy, religious hatred and hostility. The authors make assumptions about improving the legislation pertaining to religious feelings defamation. In particular, they put forward the idea to enshrine the interpretation of some terms in the Russian Federation Supreme Court Decisions or in the special note to Article 148. clarifying some categories, which can make classifying acts as crimes easier for the law enforcers.

Key words: defamation, publicity, acts, believers, feelings.

Одной из приоритетных задач отечественного уголовного законодательства уже на протяжении многих лет является защита прав, свобод и законных интересов личности и, в частности, таких конституционных прав, как свобода совести и вероисповедания. Уголовным кодексом Российской Федерации (далее УК РФ) за нарушение этих прав предусмотрена

ответственность по ст. 148. Так, ч. 1 указанной статьи признает преступлением публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих. Помимо этого в УК РФ имеется большое количество статей, где в качестве признака преступления указан мотив политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды (например п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ – хулиганство, ч. 2 ст. 214 УК РФ – вандализм, п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ – надругательство над телами умерших и местами их захоронения). Кроме того, ч. 2 ст. 5.26 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее КоАП РФ) предусматривает ответственность за умышленное публичное осквернение религиозной или богослужебной литературы, предметов религиозного почитания, знаков или эмблем мировоззренческой символики и атрибутики либо их порчу или уничтожение. В связи с этим в правоприменительной практике возникают проблемы квалификации конкретных деяний, связанных с оскорблением чувств верующих. Сложность, прежде всего, вызывает оценочность понятия оскорбление, его отграничение от таких понятий, как осквернение, религиозная ненависть или вражда. Религиозные чувства верующих, признак публичности действий, явного неуважения к обществу так же неоднозначны в своей трактовке и субъективном понимании. Целью статьи является рассмотрение некоторых проблем толкования указанных понятий с использованием примеров противоправных деяний. Для решения этих проблем авторами сделаны предложения по совершенствованию законодательства, связанного с оскорблением религиозных чувств верующих.

Все деяния совершаются в форме действия или бездействия. В ряде случаев форма преступного деяния указывается в диспозиции статьи УК РФ или ее части. Именно таким образом законодатель поступил при определении объективной стороны ч. 1 ст. 148 УК РФ, закрепив, что наказуемым является публичное действие. Подобная конкретика объяснима: оскорбление не может быть выражено в форме бездействия, для его осуществления необходимы активные действия [Воронин 2018: 54-59]. Большинство ученых считают именно так. Однако можно предположить ситуацию, когда при проведении обряда венчания после слов священнослужителя «Господу помолимся» венчающиеся с умыслом на оскорбление религиозных чувств верующих отказываются молиться и креститься, т. е. совершают бездействие. Формально в их деянии содержатся признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 148 УК РФ, но привлечь этих лиц к уголовной ответственности невозможно, поскольку в диспозиции этой статьи прямо указано, что такие деяния могут совершаться только в форме действия. И в данной ситуации закон будет толковаться буквально. Имеет ли смысл внести в диспозицию рассматриваемой части статьи изменения, заменив слово «действие» на «деяние»? Полагаем, что в этом нет необходимости, поскольку степень общественной опасности действия при оскорблении, на наш взгляд, значительно выше бездействия.

Важным для понимания признаком является признак публичности. Как такового понятия публичности в нормативно-правовых актах не содержится. Данный признак предлагается рассматривать по аналогии с признаком публичных призывов, который указан в ст. 280 УК РФ. Согласно п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» под публичными призывами (ст. 280 УК РФ) следует понимать выраженные в любой форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности. В этом же пункте постановления рекомендовано вопрос о публичности призывов разрешать с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств дела. Здесь же приведен примерный перечень таких обстоятельств: обращения к группе людей в общественных местах, вывешивание плакатов, распространение обращений путем рассылки сообщений абонентам мобильной связи и т. п.

Следовательно, мы можем сделать вывод о том, что публичные действия предполагают совершение противоправных действий, направленных на неограниченный круг лиц. Вместе с тем оскорбление, высказанное одним лицом в диалоге с другим наедине, не может обладать признаком публичности и рассматриваться в рамках ст. 148 УК РФ.

Однако необходимо отметить, что в эпоху глобализации и информатизации общества под публичными пространствами понимают и различные интернет-платформы. Публичность в социальных сетях обеспечивается за счет открытого доступа к большинству серверов, на которых публиковались материалы оскорбительного содержания. Так, фигурант известного уголовного дела по ч. 1 ст. 148 УК РФ – Руслан Соколовский – опубликовал свои видео, в которых в резких выражениях критиковал религию и использовал игры с дополненной реальностью в храме, на открытом для всех пользователей Youtube-канале. Публичность в данном случае формировалась за счет неограниченного доступа лиц, принадлежащих к различным социальным группам, к роликам блогера. Следовательно, публикация оскорбительных материалов в интернет-пространстве полноценно отвечает характеристике публичности, упоминаемой в УК РФ. Исключение, на наш взгляд, могут составлять соответствующие публикации в закрытых для посторонних пользователей страницах социальных сетей лиц, объединенных целью высказаться оскорбительно в адрес религиозных чувств конкретных верующих. Например, если лица создают закрытую группу, целью которой является публикация внутри этой группы материалов, содержащих оскорбления религиозных чувств приверженцев определенной веры, – признака публичности не будет и привлечь их к ответственности по ст. 148 УК РФ будет нельзя. Заслуживает внимания исследование, проведенное и опубликованное коллективом авторов С. В. Дорониной, М. В. Кашеевой, Ю. В. Трубниковой. Ими проведено тестирование студентов, на основании которого сделан вывод о том, что официально признаваемая публичность интернет-общения не является субъективно значимой для пользователей. Носители языка воспринимают интернет-коммуникацию как межличностную, а не как публичную, не видя разницы между ней и непосредственным устным общением. Соглашаясь с этой позицией, хочется отметить, что в сложившейся правоприменительной практике, несмотря на субъективное восприятие некоторыми лицами общения как межличностного, объективно оно осуществляется в информационно-телекоммуникационной сети общего пользования, включая сеть Интернет, и будет соответствовать признакам публичности (за исключением приведенного примера закрытой группы). Единственное, что можно рекомендовать законодателю, это обратить внимание на обстановку совершения подобного деяния. В случае, если общение происходит между двумя лицами и никто из других пользователей не ознакомился с их диалогом, возможно рассмотреть эти действия с позиции отсутствия признака публичности и, в конечном

счете, отсутствия состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 148 УК РФ, или предусмотреть это обстоятельство в качестве смягчающего наказание.

Одним из наиболее дискуссионных элементов объективной стороны ч. 1 ст. 148 УК РФ является понятие «явное неуважение к обществу». Справедливо отметить, что данная явно оценочная категория применяется не только в анализируемой статье, но и в ряде иных диспозиций, включая ст. 213 УК РФ, с которой ч. 1 ст. 148 УК РФ имеет много общего. Н. Ф. Кузнецова предлагала понимать явное неуважение к обществу как пренебрежительное отношение к важнейшим нравственным устоям общества, противопоставление другим гражданам или демонстрацию своего мнимого превосходства над ними [Кузнецова 1963: 9]. Применительно к ст. 148 УК РФ «явное неуважение к обществу» имеет общепризнанное значение, описанное в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений». То есть «явное неуважение к обществу» есть умышленное нарушение общепризнанных норм и правил поведения, продиктованное желанием виновного противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним.

Так, приговором мирового судьи судебного участка №10 Вятскополянского судебного района Кировской области от 31.05.2016 Шайдуллин и Казанцев признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 148 УК РФ. Судом установлено, что вечером 22 сентября 2015 года Казанцев и Шайдуллин пришли к поклонному кресту, находившемуся в деревне Старая Малиновка Вятскополянского района Кировской области и повесили на него самодельное чучело с маской клоуна, а на кресте сделали надпись: «Аллах Акбар Смерть Неверным». Суд пришел к выводу, что преступные действия выразились в явном неуважении к обществу и пренебрежительном отношении к православной вере, в целях высмеивания почитаемого верующими религиозного символа – православного креста и религиозных канонів. Очевидно, что публичность и явная провокационность действий Казанцева и Шайдуллина прямо свидетельствует об их желании противопоставить себя окружающим путем умышленного нарушения общепризнанных норм поведения об уважении к почитаемым святыням, а также желании продемонстрировать пренебрежительное отношение не только к приверженцам православной веры, но и окружающим. Действия Казанцева и Шайдуллина выразились в осквернении поклонного креста как предмета религиозного почитания, знака или эмблемы мировоззренческой символики и атрибутики. Но подобные действия предусматривают ответственность по ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ. В связи с этим возникает вопрос, чем отличаются действия по осквернению от уголовно наказуемых действий по оскорблению. Термин «осквернение» в праве не раскрывается. Профессор С. Н. Астапов предлагает трактовать его как «совокупность нарушающих религиозные нормы действий, направленных на репрезентации сакрального» [Астапов 2017: 5-11]. Объективная сторона ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ состоит в совершении одного из действий: оскорбление религиозных чувств граждан публичным образом или в частном порядке путем грубого, неуважительного отзыва, высмеивания религиозных догм и канонів, которые исповедует лицо, или личных качеств гражданина, связанных с его религиозной принадлежностью; осквернение почитаемых гражданами предметов, знаков, эмблем мировоззренческой символики (циничное поругание, опорочивание, унижение, издевательство над принципами индивидуальной и общественной нравственности. Справедливо предположить, что осквернение, предполагающее в своей сути физическое влияние на конкретные религиозные атрибуты, может быть одной из форм оскорбления, которое в свою очередь может проявляться и в устной форме и не быть прямо направлено на нарушение целостности предметов религиозного обихода. В то же время основным критерием различия между данными составами нам видится определенность перечня предметов, на которые может быть направлено осквернение как действие. К таковым относят: религиозную или богослужебную литературу, предметы религиозного почитания, знаки или эмблемы мировоззренческой символики и атрибутики (предметы культа: иконы, церковная утварь, религиозные книги, одеяния священников, предметы искусства и старины, знаки как религиозного, так и не религиозного характера, выражающие идейные позиции их носителей и почитателей, например, православный и католический крест, красноармейская звезда, красный крест, голубь мира). Таким образом, предмет ст. 5.26 КоАП РФ может быть и не связан с религиозными чувствами верующих. Вместе с тем объективная сторона ч. 1 ст. 148 УК РФ включает более широкий спектр действий, способных оскорбить религиозные чувства верующих. Анализ судебной практики по ч. 1 ст. 148 УК РФ доказывает, что к таким действиям относили и написание статей, в которых жестко критиковались именно идеи христианства, и комментирование определенных новостей фразой «Боха нет» и т. д. Таким образом, грань между действиями, предусмотренными ч. 1 ст. 148 УК РФ и ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ очень тонка и не всегда понятна. Необходимо более четко определить пределы уголовной и административной ответственности за указанные аналогичные деяния. Как вариант, объединить эти действия в одну статью уголовного либо административного законодательства.

В то же время ряд статей особенной части УК РФ в своей диспозиции указывают такой вид преступного действия, как «оскорбление». Использование данного термина в законодательстве вызывает затруднение как с правовой точки зрения (самостоятельный состав преступления, предусматривающий ответственность за оскорбление в ныне действующем уголовном законодательстве отсутствует), так и с лингвистической, поскольку само понятие оскорбления носит оценочный и субъективный характер. Официальное толкование понятия «оскорбление» содержится в ч. 1 ст. 5.61 КоАП РФ и означает унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме. Некоторые авторы справедливо полагают, что в правоприменительной практике часто происходит смешение правового понимания оскорбления как унижения чести и достоинства и бытового понятия оскорбления. Так, И. А. Стернин полагает, что под оскорблением часто понимают обиду, т. е. «индивидуальную субъективную негативную эмоционально-психологическую реакцию человека на сообщение о нем негативной информации» [Магемарова 2018: 93-102]. Таким образом, степень унижения чести и достоинства различна, оскорблением может признаваться высшая степень унижения, форма которой противоречит принятым в обществе нормам морали и нравственности.

Наличие в составе преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 148 УК РФ, таких признаков, как публичность, явное неуважение к обществу и указание на чувства верующих (не одного верующего), позволяет сделать вывод о том, что оскорбление в данном деянии направлено в отношении какой-то группы, объединенной по религиозным признакам, а не на унижение конкретного человека.

Понятие оскорбления религиозных чувств верующих не приводится ни в одном из действующих нормативно-правовых актов, поэтому это действие представляет особую сложность в понимании. Очевидно, что в действующем законодательстве и уточняющих правовых актах не существует полного списка поступков, способных оскорбить чьи-либо религиозные чувства. Описывая преступные действия, связанные с анализируемым деянием, Д. А. Казанцев указывает: «... не все, а только некоторые действия виновных лиц могут преследовать цель существенно оскорбить религиозные чувства верующих. Так, очевидно, речь идет о действиях, связанных со святотатством (осквернением догматов, религиозной святыни и пр.) и (или) кощунством (язвительными насмешками, издевательством, неуважением к правилам жизни или обрядам той или иной религии). Богохуление, т. е. непочтение к Богу, выражаемое дерзкими словами или какими-нибудь поступками, не может рассматриваться как уголовно наказуемое деяние, за исключением случаев причинения вреда, имеющих уголовно-правовое значение, т. е. степень вредоносности должна быть существенной. Так, например, заявление атеиста, что Бога не существует, не образует состава преступления» [Казанцев 2019: 37]. Говоря об особенностях и проблемах применения ч. 1 ст. 148 УК РФ, необходимо отметить, что в диспозиции статьи содержатся такие оценочные понятия, как религиозные чувства и верующие. Очевидно, что в данный момент законодатель не создал нормативно-правового акта, в котором бы растолковал значение этих терминов. Примерное их содержание раскрывается в доктрине. Так, Г. В. Рева и Т. А. Цергой предлагают понимать под религиозными чувствами «психоэмоциональное отношение верующих к сакральным понятиям, святыням, персонам, местам, друг к другу и к себе, а также к религиозно воспринимаемым явлениям природы и к миру в целом». Самая явная проблема данного понимания заключается в субъективности оценки каждого из указанных критериев. Очевидно, что для расследования преступлений, связанных с оскорблением религиозных чувств верующих, привлекаются, как правило, лингвисты, но далеко не каждый профессионал сможет правильно трактовать, например, отношение верующих к тому или иному религиозному предмету, ввиду того, что верующие представляют из себя группу лиц с разным мировосприятием и пониманием степени «оскорбительности деяния». Следовательно, основная сложность заключается в том, что у каждого конкретного верующего будет, по сути, свое религиозное чувство.

Универсального метода определения того, что следует считать поведением, оскорбляющим религиозные чувства верующих, не существует. Квалификация подобных действий зависит, зачастую, от субъективной оценки таких действий экспертом. При судебно-лингвистических исследованиях эксперты обращают внимание на три признака оскорбительного содержания, выделяемые при лингвистической оценке:

- реализация коммуникативной цели оскорбить, унижить представителей группы лиц, объединенных по религиозному признаку;
- использование в тексте лексических, изобразительных и иных средств, нарушающих нормы коммуникативной этики;
- ситуация коммуникации: отнесенность к религиозной парадигме [Астапов 2017: 98-103].

В первую очередь эксперты оценивают представленный материал с позиции наличия в нем негативной информации о религиозных группах или отдельных лицах как представителях данных групп. Характер негативной информации также подлежит экспертному анализу: необходимо установить значение унижительной оценки лица или группы, речевую цель унижения и неприличную форму выражения этих значений, соотносимую, согласно экспертным методикам, с вульгарно-просторечными и нецензурными языковыми единицами [Доронина, Кацаева, Трубникова 2022: 45-52]. Практика производства судебной лингвистической экспертизы показала, что если высказывания не содержат таких языковых средств, как вульгарные метафоры, грубо-просторечные или нецензурные лексемы и конструкции, то это затрудняет квалификацию речевого действия как оскорбления.

Несмотря на точность и рациональность подобных критериев, необходимо признать, что далеко не всегда субъект правонарушения действительно ставит перед собой цель – оскорбить именно религиозные чувства. Обратимся к делу блогера Руслана Бобиева, разместившего в своем телеграм-канале фотографию, сделанную на фоне храма Василия Блаженного и носящую вызывающий характер. На ней девушка в полицейской форме сидит лицом к Бобиеву, имитируя половой акт. Нет сомнений в том, что изображение было сделано с целью эпатаживать граждан и выразить неуважение к ряду социальных групп, включая работников правоохранительных органов. Однако открытым остается вопрос о том, выступает ли храм в данном случае предметом оскорбления. Дело в том, что храм Василия Блаженного может рассматриваться и как исторический памятник, выступающий символом национального самосознания. При подобной интерпретации деяние уже можно квалифицировать как хулиганство или экстремизм.

Смежной анализируемой статье является и ст. 282 УК РФ, т. к. в ней закрепляется такая разновидность экстремистской деятельности, как возбуждение ненависти либо вражды по признакам отношения к религии. На первый взгляд может показаться, что указанный вид экстремизма как бы включает в себя оскорбление верующих (особенно учитывая дефиницию оскорбления как преступного действия). Однако мы считаем, что в данном случае, помимо основного признака возбуждения ненависти, либо вражды, различие лежит в признаках потерпевшего. В частности, потерпевшим в ч. 1 ст. 282 УК РФ может выступить любое лицо, включая атеистов, что показывает судебная практика. Так, в 2017 году СК РФ возбудил уголовное дело против М. Дроздова, выложившего на своей странице в соцсети «ВКонтакте» стих, в котором называл атеистов мерзкими и предлагал вернуть инквизицию для борьбы с ними. В ч. 1 ст. 148 УК РФ потерпевшие прямо определены в диспозиции. В качестве таковых выступают именно верующие.

В доктрине права также не существует единого мнения о том, кто такой верующий как потерпевший. Достаточно интересное определение предлагает К. В. Петухов, трактуя верующих как «лиц, подтвердивших свою принадлежность к зарегистрированной в установленном законом порядке и не запрещенной на территории РФ религиозной организации». Автор предполагает, что подобная дефиниция имеет право на законодательное закрепление в примечании к ч. 1 ст. 148 УК

РФ [Петухов 2015: 38-42]. Однако, на наш взгляд, спорным представляется термин «подтвердивших свою принадлежность», т. к. подтвердить отношение к какой-либо религии неким объективным способом не представляется возможным.

В действующем законодательстве так же не существует дефиниции термина «верующие», что значительно затрудняет определение не только потерпевшего, но и объекта преступления. В Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» также говорится о недопустимости умышленного оскорбления чувств граждан в связи с их отношением к религии (следовательно, должно быть под запретом оскорбление чувств атеистов и агностиков). Примечательно, что в этом законе слово «верующие» не употреблено ни разу. Диспозиция ст. 148 УК РФ содержит дискриминационные положения, говоря об оскорблении чувств исключительно верующих, но не атеистов. Или если предположить, что человек не верует в бога, но с уважением относится к религиозным чувствам, считает неприемлемым насмешки над такими чувствами и испытывает по этому поводу оскорбление. Можно ли в таком случае считать это лицо (группу таких лиц) потерпевшими по ч. 1 ст. 148 УК РФ? На наш взгляд, можно, поскольку умыслом субъекта охватывается оскорбление именно религиозных чувств, при этом ему безразлично испытывают эти чувства верующие или нет. Полагаем, что в диспозиции данной статьи в качестве предмета преступления достаточно указать религиозные чувства, исключив признак потерпевшего – «верующего».

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что оскорбление в том лингвистическом значении, в котором оно употребляется в диспозиции ч. 1 ст. 148 УК РФ, представляет из себя сложную юридическую конструкцию, включающую в себя различные формы реализации данного правонарушения на практике. Эти действия сложно отграничить от схожих действий, совершенных по мотивам религиозной вражды и ненависти, а также от административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ. Ошибочным является представление, при котором оскорбление понимается исключительно как речевое проявление агрессии в адрес верующих как социальной группы. По сути, оскорбление может проявляться в форме изображений, видеоматериалов, а также жестов. Большое значение для правоприменителя при квалификации деяния как преступления будут играть признаки публичности, явного неуважения к обществу, т. к. именно открытое негативное отношение к верующим и почитаемым ими идеям и убеждениям составляет объективную сторону преступления, предусмотренного в ч. 1 ст. 148 УК РФ. Необходимо отметить: общее негативное отношение к религии и ее атрибутам не является преступлением и не формирует его объективную сторону. Закрепленное в Конституции право на свободу совести позволяет гражданам самим формировать свое мнение относительно деятельности религиозных организаций. Таким образом, мы можем утверждать, что основной проблемой, с которой могут столкнуться правоприменители при квалификации анализируемого деяния, это субъективность и дискуссионность таких категорий, как «оскорбление», «публичность», «явное неуважение к обществу», «религиозные чувства верующих». На наш взгляд, наиболее продуктивным способом разрешения данной проблемы может стать появление законодательного комментария, выраженного, например, в форме Постановления Пленума Верховного Суда РФ или примечания к ст. 148 УК РФ, где будут даны четкие определения указанных понятий. Кроме того, ввиду схожести законодательных конструкций ч. 1 ст. 148 УК РФ и ч. 2 ст. 5.26 КоАП предлагается объединить указанные деяния в одну статью уголовного, либо административного законодательства.

Литература

- Астапов С. Н.* Осквернение сакрального: казус «Тангейзера» / Южный полюс. Исследования по истории современной западной философии. – 2017. – №3 (1). – С. 5-11.
- Астапов С. Н.* Религиоведческий аспект экспертизы по делам об оскорблении религиозных убеждений и чувств / Теория и практика судебной экспертизы. – 2017. – №12. – С. 98-103.
- Воронин В. Н.* Уголовный закон на страже чувств верующих / Законодательство. – 2018. – №12. – С. 54-59.
- Доронина С. В., Кацаева М. В., Трубникова Ю. В.* Оскорбление религиозных чувств: обыденное сознание и правоприменение / Юрислингвистика. – 2022. – №24. – С. 45-52.
- Казанцев Д. А.* К вопросу об уголовно-правовой охране религиозных чувств верующих / Российский следователь. – 2019. – № 9. – С. 37.
- Кузнецова Н. Ф.* Уголовная ответственность за нарушение общественного порядка. М., 1963. С. 9.
- Магеромова Ю. Ю.* Правовые и лингвистические противоречия в трактовке понятия «оскорбление» / Научный диалог. – 2018. – № 7. – С. 93-102.
- Петухов К. В.* Правовой статус верующих: его уголовно-правовое значение / Российский следователь. – 2015. – № 14. – С. 38-42.

References

- Astapov, S. N. (2017). Desecration of the sacral: the «Tannhäuser» case. South Pole. Investigations of the modern west philosophy, 3, 5-11 (in Russian).
- Astapov, S. N. (2017). The Religious Studies Aspect of Forensic Evaluation in Cases Involving Offense to Religious Beliefs and Sensibilities. Theory and Practice of Forensic Science, 12, 98-103 (in Russian).
- Doronina, S. V. Kashaeva, M. V. Trubnikova, Yu. V. (2022). "Insulting Religious Feelings": Everyday Consciousness and Law Enforcement. Legal Linguistics, 24, 45-52 (in Russian).
- Kazantsev, D. A. (2019). On the criminal law protection of religious feelings of the faithful. Russian Investigator, 9, 36-40 (in Russian).
- Kuznetsova, N. F. (1963). Criminal responsibility for disorderly conduct, 9 (in Russian).

Mageramova, Yu. Yu. (2018). Legal and Linguistic Contradictions in Concept of "Insult" Interpretation. *Scientific dialog*, 7, 93-102 (in Russian).

Petukhov, K. V. (2015). Legal status of religious persons: criminal-law significance thereof. *Russian investigator*, 14, 38-42 (in Russian).

Voronin, V. N. (2018). Criminal law as safeguard of religious feelings. *Legislation*, 2, 54-59 (in Russian).

Citation:

Боженова А.А., Ерахмилевич В. В. Проблемы квалификации деяний, связанных с оскорблением чувств верующих // Юрислингвистика. – 2023. – 28. – С. 105-110.

Bozhenova A.A., Erahmievich V. V. (2023). Challenges at Classifying Acts of Religious Feelings Defamation. *Legal Linguistics*, 28, 105–110.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License
